На базе объединенного штаба западного фронта витал запах смерти. Последняя операция стоила Союзу несколько сотен тысяч жизней: четыре корпуса и более шестидесяти процентов общих сил. Даже транспорт не справлялся с забором такого числа умерших, в результате чего база временно стала моргом.

— Ударная группа «восемьдесят шесть».

Уже наступила весна, но когда генерал-майор Ричард Альтнер, командующий 177-й бронетанковой дивизией и экспедиционным отрядом Республики Сан-Магнолии, произносил название отряда, воздух был до странного холодным.

— Автономная мобильная ударная сила, пилотирующая Регинлейвы и подавляющая ключевые позиции Легиона. По сути, иностранная группа из «восемьдесят шесть»… Так что, наконец-то они смогут поприветствовать свою королеву?

Оглядев будущий кабинет «королевы» — приглашенного иностранного офицера из бывшей Республики Сан-Магнолии, — он перевел взгляд на собеседника по ту сторону ароматного пара, идущего от заменителя кофе.

— Как думаешь, справятся?

— По крайней мере в их боевом потенциале мне сомневаться не приходиться.

На невозмутимом лице — белом, характерном для благородных по рождению — начальника штаба армии западного фронта, коммодора Виллема Эренфрида, сверкнула холодная улыбка.

— Большинство «восемьдесят шесть», взятых нами под защиту, из носителей позывных, как они сами себя называют. Это ветераны, прожившие целые годы на поле боя восемьдесят шестого сектора, несмотря на скудный коэффициент выживаемости в одну десятую. И они не идут ни в какое сравнение даже с нашими солдатами, прошедшими нормальную боевую подготовку. Так что в тактическом плане варианта не пользоваться ими просто не существует.

Пускай это был лишь заменитель кофе, его все равно правильно варили и элегантно подавали в фарфоровых кофейных чашках. Наслаждаясь цветочным ароматом горячего напитка, Виллем вновь заговорил:

— А по Регинлейвам у нас теперь есть примерное представление о практическом применении. Благодаря своей мобильности они могут стать более чем достойным противников для Волков, разогнавшихся до максимальной скорости. И, спасибо «восемьдесят шесть», Легиону теперь не

достанутся наши драгоценные операторы.

— Виллем, я спрашивал, справятся ли «восемьдесят шесть» в психологическом плане, — сказал генерал-майор Альтнер.

Он поставил чашку кофе на блюдечко: по комнате разнесся характерный звон фарфора.

— Они не знают покоя, у них нет родины, и им нечего защищать на этом поле боя… Ты всерьез полагаешь, что они могут быть мечом Союза, и это при условии постоянных разногласий с нашими бойцами, стоит им оказаться в одном месте?

Первая пятерка непреднамеренно спасенных «восемьдесят шесть» тому пример. Хотя им показали мирную жизнь, они не приняли ее… Вернее, не смогли принять. Их безбашенное стремление окунуться в битву, где шансы вернуться живыми едва превышали нулевые, вселяло страх в солдат. Даже несмотря на многочисленные достижения, ни в какое сравнение не идущие с таковыми у армии Союза, их презренно называли «монстрами, взращенными Республикой». Одно Виллем знал наверняка: если насильно вытянуть выросших на поле боя в мирную жизнь, то они растеряются, затем начнут сомневаться, а после — задохнутся.

— Хорошим охотничьим псам нужен жестокий нрав. Хороший хозяин тот, Ричард, кто умеет направить его на врага.

Откровенно аристократическими оборотами речи, которые, казалось, отрицали человечность в других, он навлек на себя пристальный взгляд генерал-майора Альтнера. Начальник штаба в ответ элегантно пожал плечами:

— Разумеется, если они так и не смогут привыкнуть к мирной жизни, после войны их ждут неприятности… Впрочем, как и нас. Кому нужны преступники в запасе, когда битв больше не предвидится, правильно?

Генерал-майор Альтнер повел бровью.

— Удивлен, Виллем. Я думал, ты скажешь что-то вроде: «В качестве решения можно подарить пулю каждому из них».

— Ну как же, ты ведь должен учитывать стоимость топлива для сжигания трупов, плату за психологическую помощь совершителям чистки, и это не говоря уже про документы, с которыми придется разобраться, чтобы скрыть исчезновения ребят, и взятки всем вовлеченным. Но даже с такими расходами это рано или поздно вскроется… по примеру Республики.

После операции по уничтожению Морфо они подтвердили выживание не только Объединенного королевства, Альянса и Республики, но и других стран. И все непременно

узнают о совершенных зверствах Республики, где «восемьдесят шесть», известные там как Колората, были представлены меньшинством. При том что те же расы и этнические группы существовали и в этих других выживших государствах.

Отношение Республики к «восемьдесят шесть» станет известным как самое омерзительное за всю документированную историю. Запятнанная репутация останется таковой на долгие годы… если, конечно, человечество их проживет.

— По сравнению со всеми этими трудностями, помочь им привыкнуть к мирной жизни и дать образование в специальной офицерской академии — решение куда более эффективное. Мы можем получить отряды из молодых мужчин и женщин, чье блестящее будущее лежит впереди… Кроме того…

Начальник штаба вдруг перестал улыбаться, его взгляд был прикован к единственному черному глазу собеседника.

— …после победы над Морфо и освобождении Республики люди, может, и пребывают в праздничном настроении, но реальность такова, что ситуация на войне продолжает ухудшаться. Из-за огромных потерь резко снизился военный потенциал западного фронта, а значит придется поднять налоги. Псов войны нужно использовать сейчас, пока копья направлены на Республику… Иначе «восемьдесят шесть» могут сильно отстраниться от всего.

†

Она видела этот кошмар бесчисленное количество раз.

На краю безымянной пустоши, где-то за выжженным и пустынным поле боя, несколько скелетов, выгоревших на солнце, сражались с волной металлических монстров. Вынужденные идти вперёд без припасов или поддержки, скелеты, истощённые подавляющим числом врагов, падали один за другим. Вот один пал в бою, затем другой.

Остался последний, чья специальность — ближний бой; окруженный со всех сторон Динозаврами, он был разорван в клочья. Поломанное высокочастотное лезвие вонзилось в землю, став чем-то вроде надгробия. Трагедия на этом не заканчивалась, и как только Легион оторвал фонарь, открылось зрелище на море крови в кабине. Оттуда достали искореженное тело процессора, оно болталось, будто тряпичная кукла. Мертвым почестей не воздавали, их разрывали на куски, и забирали головы. Лена не знала его в лицо. Поэтому и у силуэта в пустынной камуфляжной форме, когда того достали из кабины, не было лица.

От начала и до конца Лена могла лишь наблюдать. Ее голос останется неуслышанным. Она не могла выпустить ни одного снаряда, чтобы оказать поддержку. Ей оставалось лишь наблюдать за ужасающей судьбой. Сколько же раз она просыпалась среди ночи и выкрикивала имя? Сколько раз активировала парарейд и тщетно пыталась связаться лишь затем, чтобы очередной крах разорвал ее сердце?

Она ни разу не видела конца, поэтому не знала наверняка, но такова была реальность. Его судьба должна быть намного страшнее, чем можно было представить. Лишь от одной этой мысли по ее спине пробегала дрожь.

Но теперь она больше никогда не увидит этот сон.

База объединенного штаба западного фронта Союза Гиаде. Именно в этом месте Лена проснулась утром и занялась формой. Она застегнула все пуговицы на накрахмаленной блузке, надела черный пиджак. Не забыла про знаки различия, кобуру и даже фуражку — затем убрала в сторону единственную красную прядь волос. Все это она делала с решимостью рыцаря, готовящегося к битве.

Она заглянула в серебряные — того же цвета, что и волосы — глаза своего отражения в зеркале. Форма была черной, чтобы выразить скорбь по погибшим подчиненным, а красная прядь волос символизировала пролитую ими кровь. На нее в ответ уставилось ожесточенное лицо Кровавой королевы, обагренной этими цветами.

Стук в дверь нарушил утреннюю тишину в тот момент, когда она затягивала галстук.

— Полковник?..

Лена улыбнулась. Она не знала его в лицо… Раньше не знала. Зато хорошо запомнила голос. В эти два года этот голос мягко поддерживал ее. Безмятежный, спокойный тон, приятные для слуха произношение и дикция. Обладатель голоса теперь был рядом, и ей больше не придется видеть тот кошмар.

— Я уже проснулась… Прошу, заходите.

Последовала короткая, почти нерешительная заминка. Но потом дверь мягко открылась, и внутрь заглянул Шин. Черные волосы Ониксов, алые глаза Пиропов. У Рея, его старшего брата, было наоборот — и лишь вчера она об этом узнала. На нем была форма Союза цвета стальной синевы, казалось, уже привычная для него. Стройная фигура и белое лицо совпали с ее мысленным образом тихого мальчика, какой она составила по голосу, а вот закаленное телосложение служило доказательством многолетней жизни на поле боя.

— Полковник, транспорт прибудет к базе ровно в восемь часов двадцать пять минут. Пожалуйста, будьте готовы к этому времени.

— Хорошо, — коротко ответила Лена, после чего повернулась. Затем еще раз оглянулась и заглянула в красные глаза, отражающие ее темный силуэт, и кивнула: — Я готова… Пойдемте.

Недавно возведенная база Русткамер — Оружейная — стояла в Вольфслэнде, неиспользуемом регионе, граничившим с бывшей Империей и территориями, где были производства и изготовления. Для ударного отряда «восемьдесят шесть», новым для Лены, эта база стала основной. Она была большая, ее окружали леса, тянувшиеся с возвышенности к западу. Река в нескольких минутах ходьбы отделяла базу от близлежащего города, расположившегося в тени руин старого укрепления.

В бараках размещались примерно десять тысяч процессоров и столько персонала поддержки, что хватит на целый батальон, а также что-то около тысячи сотрудников базы и несколько ангаров для Регинлейвов. Еще здесь имелась взлетно-посадочная полоса для транспортных самолетов и учебный полигон, распространившийся по разным сторонам.

База была создана рядом с городом, в том числе, чтобы упростить транспортировку, но также это должно было помочь «восемьдесят шесть» вернуться в общество. Они с детства жили на поле боя, поэтому им обязательно надо было дать возможность свыкнуться с мирной обстановкой. «Восемьдесят шесть», которых укрыли полгода назад, все еще учились в специальной офицерской академии, а старшая четверка — Райден, Сео, Анжу и Крена — вернулись в бараки, сказав, что им нужно разобраться с бумажной работой. Таким образом на роль ее проводника остался Шин.

Будучи на взлетно-посадочной полосе, от которой неумолимо шел жар от солнца, Шин предложил взять ее багаж и переноску для кота:

— Давайте я понесу.

— А, всё нормально. Они не тяжелые.

Шин не обратил внимания на ответ: он взял у нее вещи и просто пошел дальше. Лена посчитала, что было бы грубо забрать их обратно после такой настойчивости, поэтому на этот раз не отказала.

— Спасибо большое.

— Не за что.

Этот резкий тон непременно увеличит расстояние между ним и кем-либо еще, но… ей он показался таким ностальгическим. Лена взглянула на профиль человека, на голову выше ее, и не смогла сдержать улыбку. Ее глаза зацепились за красный шрам, едва проглядываемый из-под воротника формы. Жуткая отметина шла через всю шею, она зловеще напоминала шрам от обезглавливания — будто голову отрезали и кое-как пришили обратно. Какое-то боевое ранение? Выглядело довольно старым.

После вчерашней встречи перед памятником с четырьмя сломанными Джаггернаутами и пятьюстами семьюдесятью шестью погибшими процессорами у нее едва выдалась возможность

поговорить с Шином и остальными. Потом ее принимали в объединенном штабе западного фронта, и, поскольку формально она считалась представителем Республики, она также должна была присутствовать при решении некоторых социальных вопросов. Времени на то, чтобы возродить старую дружбу, у нее не оставалось.

Она смогла поговорить с Шином лишь в машине на пути к базе и узнать только, что произошло во время специальной разведывательной миссии два года назад и как они добрались до Союза. Шанса спросить про шрам так и не представилось, но… быть может, лучше ей просто дождаться, пока он сам расскажет. Что бы не оставило этот ужасный шрам на теле, такой же шрам наверняка теперь есть и на его сердце. Поговорить на эту тему она так просто не могла.

Шин обратился к ней, возможно, из-за того, что почувствовал на себе её пристальный взгляд:

— Что-то не так?..

— Н-нет, ничего.

Ей радостно от того, что просто смотрит на него… Было бы слишком неловко говорить такое. Шин подозрительно глянул на Лену, когда та, раскрасневшаяся, потупила взгляд.

— Кстати, я смотрю, вас повысили. Поздравляю.

— А, ага… — застенчиво ответила она, неосознанно коснувшись знака различия на отвороте воротника.

Получить звание старшего офицера уже было непросто, а командирское, вроде полковника, — еще сложнее. Конечно, в военное время продвижение бывало до нелепого быстрым, но чтобы полковником становился солдат в подростковом возрасте — о таком еще никто не слышал.

— Это все для проформы, если честно. Я же направилась в другую страну, нехорошо получилось бы, будь я ниже званием.

С другой стороны, командующим офицером для группы по оказанию помощи в Республике вызвался стать лишь младший офицер. С падения Гран-Мюра прошло полгода, а среди республиканцев все еще было много тех, кто ждет спасения, или что будут сражаться вместо них, и кто вовсе не намерен бороться за себя.

План состоял в том, что спасательные силы Союза будут выведены после отвоевывания северных административных секторов, а обороной за свои средства займутся собственные вооруженные силы Республики… Но Лена теряла надежду на такое развитие событий, учитывая, как шли дела.

— Но то же верно и для вас, капитан Ноузен. Вы служите в армии Союза всего два года, но

столь быстрое продвижение до капитана должно многое говорить о ваших достижениях.

— Звания выше моего все свободны, что показывает, насколько запутанная в стране ситуация… — пожал он плечами, слегка улыбнувшись.

Лена с удивлением посмотрела на него. Она до сегодняшнего дня не знала, как Шин выглядел, и все же ей показалось, что его выражение лица смягчилось. Своим холодным тоном юноша из «восемьдесят шесть» постоянно… что-то подавлял. Удерживал с таким неистовством, что в любой момент мог сломаться.

Таймер перед ним неумолимо отсчитывал время до смерти. Его целью было освободить душу брата из механической тюрьмы. И он достиг ее. Во всяком случае теперь, покончив со всем, он, быть может, наконец-то обретет покой. Возможно, он с некоторой любовью будет вспоминать брата, которого был вынужден умертвить вопреки тому, что биться с ним никогда не хотел.

— Раз вы стали тактическим командиром, я думал, при вас будут помощники и офицеры. Но вы в итоге одни.

— Никто не вызвался. Хотя у меня назначены встречи с добровольцами из числа процессоров и… техническим руководителем… Э-э, майором Анриеттой Пенроуз.

Она немного затихла под конец.

— ?.. О, консультант по парарейду, — кивнул Шин после непродолжительного сомнительного молчания.

Судя по всему, он не понял причину заминки Лены перед тем, как она произнесла имя Аннет.

Она бросила на Шина взгляд. Фамилия Анриетта обычно не сокращается до Аннет, поэтому она упомянула имя и фамилию без всяких сокращений… Однако при знакомстве Аннет представилась Лене необычным именем возможно потому, что не хотела вспоминать о ком-то, кто некогда звал ее другим прозвищем. О мальчике, друге детства, кому она причинила боль, кого бросила… и кого с тех пор не видела.

— Все-таки не помните…

— Не помню что?..

— Неважно, — качнула головой Лена, уклоняясь от вопроса.

Как-никак, она в этой ситуации посторонняя. Если Аннет захочет с ним поговорить об этом, то поговорит.

Непродолжительное молчание между ними разорвало «мяу», раздавшееся из переноски Лены.

Шин опустил взгляд, удивленно моргнув.

— А кот…

— Тот самый из бараков отряда «Остриё копья», который был рядом с вами.

— Вот как…

На его лице не читались никакие эмоции, но такой он был человек. Кот, с другой стороны, словно бы узнал голос своего любимчика и радостно замяукал.

— И как вы его назвали?

— Фермопил.

Или же «Фипи» для краткости. Шин на миг умолк. Фермопил было названием поля боя, в котором когда-то малая армия столкнулась в битве с превосходящими силами противника и проиграла.

— Не Леонид?..

— Нет.

— Удивительно, но вы ужасно подбираете имена.

— Кто бы говорил, капитан. Этот малыш всё время сопровождал вас, так что он не может быть Леонидом. И он не потерпел достойное поражение в битве*.

[П/П: Леонид погиб именно в Фермопильском сражении.]

— Возможно, но Фермопил как-то…

— Ну и как же вы называли его перед специальной разведывательной миссией?

Процессоры отряда «Остриё копья» не давали коту конкретную кличку, поскольку он не был их товарищем по оружию, а Шин звал его по имени автора книги, которую читал.

— Думаю… Огай?

— Не говорите мне, что читали тогда «Лодка на реке Такасэ»!.. Да это еще хуже!.. — раздражённо простонала Лена.

Суть истории была другой, но, если кратко, она рассказывала о молодом человеке, убившем младшего брата. Шин отправился на специальную разведывательную миссию ради битвы с Рэем — братом, который обратился в Динозавра — с осознанием того, что они, вероятно, прикончат друг друга или один из них справится со вторым. Читать эту книгу в таких-то обстоятельствах — это уже не то, что дурной вкус, а самый настоящий мазохизм.

— Просто на глаза попалась. Глубокого смысла нет… О, кстати… — умолк Шин.

Они стояли перед самым большим ангаром базы, соединяющимся с первыми бараками, где расположились кабинеты, в том числе Лены. Большие ворота были открыты: место пустовало, поскольку фердресы, что должны быть здесь, все еще транспортировались. У ангара был высокий потолок, несколько мостовых кранов, а в той части, что будет считаться вторым этажом, виднелись мостики.

— Полковник…

— ?.. Что?

— Знаю, вы очень разозлитесь, но, пожалуйста, направьте эту злость только на меня.

— Простите?

Внезапно хриплый голос взревел, точно танковая пушка:

— Цельсь!

Лена собралась с духом, повернулась…

— Огонь!

…и увидела не наставленные на нее стволы…

…а много воды, вылитой на голову.

—

— Кия-я-я-я-я!

И раздался всплеск, разумеется.

На нее выплеснули словно полную ванну. Лена мигом промокла до нитки. Оглядевшись, она заметила группу парней и девушек в форме и рабочей одежде, у всех в руках было по пустому ведру. Очевидно, это они опрокинули воду на нее.

Пока Лена поняла только это. Шин, убравшись из ангара сразу, как услышал «цельсь», вернулся к ней. Видимо, вот почему он настоял взять ее багаж. То ли произошла какая-то оплошность, а может он и правда чувствовал за собой вину, но по его лицу читались неловкость и тревога. Кот, между делом, не заметил участь своей хозяйки и продолжил мяукать, пытаясь привлечь внимание Шина.

— Э… Ну, это только вода, поэтому не переживайте… Так ведь, старший сержант Бэрнольт?

— Сэр! Мы взяли ее с ближайшей системы водоснабжения! — ответил солдат в расцвете сил, вышедший на мостик.

Мужчина выпятил грудь, но не из гордости, а из-за воинской дисциплины.

— Были еще два идиота, которые принесли ведра с краской, но я их приструнил: они вылили их на себя же.

— О…

Это объясняло, почему в углу стояли два солдата, один красный, другой белый. Косо взглянув на них, Шин заговорил. Не так резко, как старший сержант, но в тоне с удивительной легкостью добавились командные нотки.

— Прежде чем идти в душ сходите к системе водоснабжения и умойтесь, а не то забьете слив. И беспорядок за собой уберите.

— Да, сэр!

— Так точно!

Их ответы, громкий и отчаянный, Шин принял бесстрастным кивком. Лена все еще не могла отойти от произошедшего.

— Такое приветствие новых офицеров — это что-то вроде традиции Союза?..

— Нет. Десяти лет со дня основания недостаточно, чтобы сформировалась подобная…

— Капитан Ноузен, избавь ее от бессмысленных мелочей. Сейчас есть вещи поважнее.

К ним подошла молодая женщина-офицер с полотенцами в руках. Лена испуганно посмотрела на нее. Это была командир ударной группы «восемьдесят шесть», полковник Грета Вензель. Проще говоря, ее командующая.

— П-полковник Вензель?! П-прошу прощения!..

— Ой, отбрось формальности, дорогуша. В порядке подчинения я, может, и твой начальник, но звание у нас одно.

Грета набросила одно полотенце на голову Лены, другим начала протирать ее мокрую форму. Полотенца, вероятно, были недавно выстираны, поскольку от них исходило тепло, а еще они пахли так, будто сушились на солнце.

— Сменную одежду найдешь у себя, и ванная уже готова… Капитану Ноузену хотя бы хватило порядочности приказать заготовить полотенца.

— Мне жаль…

— Но эта нерасчетливость как раз доказывает, что ты до сих пор мальчик, капитан, а это по-своему мило. Но если не станешь вести себя как полагает сопровождающему, она может невзлюбить тебя.

— Полковник…

— Ох, я много говорю, да? Но, наверное, вина лежит на тебе, больно пикантный разговор записал фердрес в своем журнале операций.

Шин раздражённо вздохнул. Грета хихикнула и ушла, прихватив с собой полотенца. Старший сержант поспешил спуститься с мостика.

— Дальше мы со всем разберёмся, полковник.

— Старший сержант Бэрнольт, и что же вы планируете делать с полотенцами, которыми воспользовалась молодая девушка?

— Не шутите так! Особенно при капитане! Чёрт, да она ведь того же возраста, что и мои дети! У неё, вероятно, даже волос-то в том месте нет!

— «Волос»?..

— А-а-а-а-а-а-а-а! Нет, забудьте, чёрт, просто забудьте! Сделайте вид, что я ничего не говорил!

Оживленный разговор, какой сложно представить между старшим офицером и подчиненным унтер-офицером, постепенно затих. Наблюдая за их уходом, Шин устало обратился к Лене:

— Сейчас лучше поскорее переодеться… Я провожу.

□

В личной квартире Лены на верхнем этаже первого барака было две комнаты: кабинет-приемная сразу на входе и внутреннее помещение — спальня. Несмотря на то, что это была военная база, находилась она в безопасной зоне в сотне километров от передовой. В просторных комнатах на первый план выходил комфорт проживания, а не военная практичность, свойственная командующему офицеру. Приятный цвет нежного жемчуга у мебели, возможно, выбрали специально из расчета на юную леди.

Шин поставил на пол багаж и переноску, затем вышел. Черный кот быстро сориентировался и начал осторожно исследовать новое место. Четыре стены были облицованы цветным стеклом, из большого окна в кабинете открывался беспрепятственный вид на город по ту сторону реки.

В одном из углов этого города недавно построили школу для «восемьдесят шесть», которых забрали в лагеря для интернированных прежде, чем им представилась возможность получить начальное образование. Обычно к подразделению размером с отделение назначалась лишь одна команда по поддержанию психологического здоровья, однако для них назначили две. Хотя заботиться об этом вообще-то должна Республика…

Тряхнув головой, Лена пошла в ванную, примыкающую к спальне. Пар цеплялся за цветную плитку на стенах, а судя по приятному аромату, в воду добавили цветочную эссенцию. Она смыла легкий макияж, повернула шикарный кран и подставилась под горячую воду.

Немного подумав, она поняла, что еще не получила объяснений насчет произошедшего. Лена открыла дверь, надела парарейд, лежащий на полотенце, и активировала его. Адресатом, разумеется, был Шин, ожидавший в коридоре снаружи ее личной квартиры.

— Эм, капитан…

Связь оборвалась молча. Она синхронизировалась вновь и, как только связь наладилась, спросила:

— Почему вы отключились?

Пришел смущенный ответ:

— А почему вы синхронизируетесь именно сейчас?

— Мы тогда не договорили.

— Можем договорить потом… Хотя бы после того, как вы примите душ, прошу.

Лена не отступала:

— Почему мы не можем разобраться, пока я в душе?

— Что значит «почему»?..

Между ними воцарилось напряжённое молчание, и разорвала его Лена неотступным давлением:

— Ранее вас это устраивало. Два года назад, в бараках «Остриё копья», вы рассказывали мне про Черных овец и Пастухов в… ну, вы оставались синхронизированы в ду́ше.

— Да, но… вам это, кажется, не очень нравится, поэтому не нужно заставлять себя.

«Вообще-то…»

Ну да, ей было очень неловко.

Синхронизация передавала лишь чувство слуха, но с ней также создавалось ощущение, будто говоришь с человеком лицом к лицу. Лена осознала, что ее смущение передается Шину, из-за чего он и нервничает.

И ко всему прочему, транслировались также шум бегущей воды и ее дыхание, капель, стекающих по длинным шелковистым волосам.

— Но сейчас нам не… А…

Чувственный резонанс вновь оборвался, и теперь он, судя по неудачным попыткам установить связь, снял рейд-устройство.

***

Райден поднимался на верхний этаж, чтобы доставить документы в кабинет Греты. Он остановился в коридоре перед Шином, вяло сидевшем на синем ковре, украшенном белыми цветами. Тот был у кабинета тактического командира, Лены, — вероятно, ждал, пока она переоденется после небольшого «приветствия». По какой-то причине он опустился на колени.

— Ты чего?..

— Ничего… — вздохнул Шин, что не соответствовало его ответу.

Шин отозвался только после того, как она вышла из ванной, надела блузку и юбку, зашла в кабинет и постучала в дверь, чтобы позвать.

— Наверное, так оно и есть, но все же спрошу: вы ведь одеты?..

— К-конечно!..

— Раз так…

Его голос было сложно разобрать за дубовой дверью, утолщенной специально, чтобы сделать невозможным подслушивание. Лене еще нужно было высушить волосы и нанести макияж, поэтому она вернулась в ванную, а их разговор продолжился уже через парарейд.

— Насчет случившегося ранее…

Им обоим все еще было неловко, так что поговорить нормально вышло не сразу. Отложив фен и взяв расческу, Лена слушала его.

— Боевой состав в ударной группе в основном состоит из добровольцев «восемьдесят шесть», но ключевое слово здесь «в основном». В подразделение еще входят солдаты Союза, которые должны исполнять приказы… и среди них есть те, у кого были знакомые в Республике.

От пояснения у Лены перехватило дыхание. Союз принял около десяти тысяч «восемьдесят шесть», чего достаточно для большой эскадрильи. Но это слишком мало по сравнению с миллионами Колората, проживавших в Республике. Десять тысяч — вот и все, кто пережил бесчинство страны. Остальные погибли, будь то в лагерях, во время строительства Гран-Мюра или на поле боя восемьдесят шестого сектора. Республика низвела их до скота в человеческом обличье и отослала на забой без должных захоронений.

Население в Республике до начала войны с Легионом было представлено также людьми из соседних стран. У некоторых, естественно, за границей остались родственники и друзья. И те, узнав, как истребляли близких…

— Приказы для солдат абсолютны, но это не значит, что они не будут сомневаться в старшем офицере из Республики. Когда вас назначили, мы — старший сержант Бэрнольт, полковник Вензель и я — получили жалобы и возражения.

Она вспомнила стоящих на мостике солдат Союза разных возрастов и расы. У каждого глаза были уникального цвета, но все они смотрели на нее одинаково холодно.

— Подобное несогласие не убрать простой строгостью. Более того, попытки задавить недовольство приведут к последствиям похуже. Поэтому я позволил им лишь раз совершить «возмездие» по вашему прибытию. Именно я разъяснил детали, именно я обсудил все с полковником Вензелем, и именно я добился ее одобрения. Как я сказал ранее, если вы разозлитесь, направьте эту злость на меня.

Лена качнула головой. «Возмездием» были лишь вёдра с водой. Скорее всего, были идеи еще изощреннее, и их Шин, вероятно, пресек на корню. Он наверняка доверился своим помощникам. Тем самым избавил Лену от более сурового возмездия, хотя сам был «восемьдесят шесть» и имел полное право мстить гражданам Республики.

— Это вполне заслуженное наказание для меня. Я не могу злиться на…

— Нет, неправда.

Шин прервал самоуничижение Лены тоном, в котором слышалось раздражение, а еще недовольство на грани гнева.

— Мы, «восемьдесят шесть», единственные, кому вообще позволено что-то требовать от Республики. Граждане Союза, пускай и родственники, не часть этой истории, у них нет прав вершить месть… Думать они могут что угодно, но их действия — вопиющая абсурдность, прикрываемая завесой справедливости.

— Капитан…

— Союз — лишь страна людей. Они относят справедливость к своей национальной политике, но… Это ни в коем случае не делает их более праведными или идеальными.

Его сухой, отстраненный голос был полон… негодования или грусти… Или смирения, выходящим за грань этих двух эмоций.

— И ещё… Я говорил об этом раньше, но не вы причина происходившего в восемьдесят шестом

секторе, и своими силами вы бы исправить положение не смогли. Это не ваша ответственность, полковник, и вы не должны становиться единственным человеком, на ком все срываются.

«И поэтому…», — продолжил Шин, пока Лена молчала.

— То возмездие было неправомерным по отношению к вам. Подобное отношение незаслуженно, и все же вы приняли его. Не надо принижать себя. Если кто-то выказывает неуважение к вам, примените к нему наказание в соответствии с воинским уставом Союза. У вас для этого есть полномочия и обязанности.

Обязанности. Выбор слов под стать Шину. Ограничься он лишь «полномочиями», Лена бы колебалась их применять даже после объяснения. Но таковы были ее обязанности, а потому она должна. Шин говорил не для того, что изменить ее настрой, а чтобы защитить от бездумных возмездий и, вместе с тем, не дать попасть в ловушку самообвинений.

Может, у него и было лицо бессердечного Бога Смерти, и говорил он равнодушным тоном… Но Шин был удивительно добр. Настолько, что ей стало больно.

— Спасибо…

Новая форма на ее кровати была глубокого синего цвета, как у республиканской. Естественно, предоставить черную сходу они не могли. Переодевшись в форму со знаком различия полковника и даже надев нарукавную повязку, Лена покрутилась перед зеркалом в полный рост для последней проверки, после чего направилась к выходу в коридор.

— Извините за ожидание, капитан.

Судя по всему, он не просто в это время бездельничал: он закрыл электронный документ, который читал на каком-то устройстве, прежде чем повернулся и удивленно заморгал, не сводя глаз с ее новой одежды. Если так подумать, Шин впервые видел Лену в этой форме. Во время вчерашнего воссоединения и сегодня она была в своей черной.

И теперь-то до нее дошло, в чем причина ее тревоги за свой внешний вид. Она хотела убедиться, чтобы ни одна деталь не выбивалась из картины… будто девушка, собирающаяся на первое свидание. От пристального любопытного взгляда Шина ее щеки порозовели.

— Полковник, что-то не так?..

— Н-нет, ничего, — практически пропищала она тоненьким голоском, что, разумеется, говорило об обратном.

Теперь она начала обращать чрезмерно много внимания на мелкие детали, про которые не думала до сих пор — или, возможно, неосознанно пыталась игнорировать. Внезапное воссоединение сильно взбудоражило ее, особенно учитывая, что они общались только через парарейд, разделенные сотнями километров. Его голос теперь звучал так близко, а из-за разницы в росте рот Шина находился на уровне ушей Лены.

Она невольно отметила, насколько он был выше ее. От его тела исходило тепло, и ей не нужно было оглядываться, чтобы понять, что он рядом. Она не знала, что от парня может исходить такой жар, и по какой-то причине это вызвало у нее сильное головокружение. Положив руки на грудь, чтобы успокоиться, она глубоко вздохнула и смогла подавить румянец на своих щеках, прежде чем заговорила, будто ничего не случилось:

— Вы ведь собирались показать мне базу, верно? Тогда пойдёмте.

А вот голос был все также высоковат…

Лена отвела взгляд от улыбки Шина, которую тот не смог сдержать, и пошла вперёд, ее каблуки стучали по деревянному полу. Она ощущала его тихое присутствие позади себя, примерно в полушаге. Привычка Шина передвигаться бесшумно, как ни странно, также взволновала ее.

—

— И чем они таким занимаются?..

Младшие офицеры проживали в комнатах на двоих, в них были кровати, столы, шкафы и общая ванная. Фредерика, надувшись, сидела на кровати и болтала ногами, уставившись вперед своими кроваво-красными глазами.

— Ладно ещё встреча с Гретой и штабными офицерами, но теперь они просто шатаются по залам для инструктажей или совещаний. Я будто за молодоженами смотрю! Как они смеют пользоваться своим служебным положением для…

— Э, Фредерика… — уныло произнес Сео, прислонившись к полуоткрытой двери. — Ты сама чем занимаешься? Снова подсматриваешь?

Ее красные глаза тут же перевелись на него. Сео устало заметил, что всякий раз, как она заглядывает в прошлое или настоящее знакомого человека своей способностью, ее красные глаза начинали сиять.

— Ничего я не подсматриваю, болван! Всего лишь мера предосторожности на случай, если эта женщина попытается выкинуть что-нибудь странное, пока водит его за нос.

— Угомонись… Он просто показывает ей базу. Полковник прибыла лишь сегодня, а Шин ее прямой подчиненный. Здесь нет ничего неприличного.

— Возможно, но…

— Кроме того, ты сама была там, когда Шин сильно подставился, а значит должна все понимать.

Фердресы Союза оснащались журналами операций, которые записывали показания сенсоров, кадры с фотопулеметов и данные по вооружению, а также разговоры пилота по интеркому. Естественно, на запись попал диалог между Шином и Леном — хотя никто из них не понимал, с кем говорит, — случившийся после уничтожения Морфо. Данные по этому разговору были первыми сведениями о Республике за десять лет, а еще это запись первого контакта с выжившим из Республики, и ее проигрывали перед командирами армии западного фронта… к великому разочарованию Шина.

— Вот именно! Когда этим тыкают прямо в лицо, принять еще сложнее! Разве мы не провели больше времени на его ст… А-а-а-а?!

Фредерика внезапно подняла голову. Она удивилась чему-то, что лишь она могла видеть, и теперь на ее лице появилась злобная ухмылка.

— Сео, у меня что-то аппетит разыгрался…

Сео широко улыбнулся.

— О, правда? На улице сегодня хорошая погода, сходим за едой в военторг и прогуляемся.

Военторг был магазином на территории базы. Фредерика запаниковала.

— Н-нет, я не то имела в виду, как бы…

— Дай-ка угадаю: Шин и полковник пошли в столовую, а ты хочешь им помешать. Слишком очевидно.

И тут он услышал от Крены «А-а-а-а-а!», которая после сорвалась с цепи, словно собака, увидевшая хозяина. Окно в коридоре выходило в столовую, и она, должно быть, тоже увидела парочку.

— Хо-оп!

Но не успела Крена разогнаться, как Анжу перехватила ее и сбила с ног.

— Ауч! Анжу, что ты творишь?! Отпусти меня!

— Дорогая, дальше тебе путь заказан. Вмешиваться некрасиво, знаешь ли.

— Ау-ау-ау-ау-ау-ау, мои руки! Т-ты определённо мне сейчас что-нибудь сломаешь, Анжу! Ау-ау-ау-ау-а-а-а-а-а-а-а-а-ауч!

Став свидетелем этой душевной сцены, Сео перевел взгляд обратно в комнату. Он улыбался, но намерения его были ясны по лицу, поэтому Фредерика испуганно отступила.

— Мы. Поедим. Снаружи. С Креной, Анжу и Райденом.

— Поняла…

□

В столовой на базе Союзе всем подавали одинаковую еду независимо от звания, но шведский стол давал человеку выбрать размер порций. Неуклюже наполнив свой поднос — Шин и персонал при этом старались во всем ей помогать, — Лена прошла к свободному столу.

На этой базе в основном были процессоры, проходящие специальное обучение офицеров, а Лена находилась в столовой для первых офицеров, самой большой. Повара, работники и военные корпели над кипящей кастрюлей таких больших размеров, что она могла с комфортом там усесться.

Кулинарные культуры Союза и Республики отличались, и потому поднос Лены был наполнен любопытным разнообразием блюд: уникальный толстый черный хлеб Союза, кремовый суп с аппетитным ароматом грибов, салат из вареных овощей, рагу из красного перца, судя по всему, типичное для южных регионов Союза, а также кофе и яблочный пирог. В центре подноса нашлось место для ароматного стейка под соусом из крыжовника.

Лена взволнованно отрезала кусочек и положила его в рот, ее серебряные глаза сразу расширились от изумления.

— Вкуснятина!..

Шин счастливо улыбнулся в ответ на эту очаровательную реакцию Лены.

— Рад, что вам понравилось.

— Я уже давно не ела настоящего мяса… Это оленина?

Отбросив любое подобие женских манер, Лена начала есть до отвала.

— Да… Райден рассказывал, что вся еда в Республике была синтетической, поэтому я подумал, вы захотите попробовать что-нибудь новое. Собраться и пойти на охоту в лес стоило того.

— И все ради меня?..

— Нет, все в тот день просто были свободны.

Во время разговора Шин с пугающей быстротой сгребал еду себе в рот. У молодого парня и аппетит был под стать здоровым. Лене приятно было видеть, как Шин стремительно опустошал поднос вдвое больше ее. «Какой же он все-таки мальчишка», — мысленно улыбнулась Лена.

— Бойцам надо чем-то занимать себя, когда нет сражений. В том же восемьдесят шестом секторе мы в безопасные дни выбирались на охоту и рыбалку.

— …

Звучало весело, но Лену сразу как холодной водой окатило. Шин горько улыбнулся, очевидно, заметив ее внутренние терзания.

— Не нужно делать такое лицо. Даже в восемьдесят шестом секторе были своего рода развлечения.

Легион стоял на пути впереди, а Республика отрезала путь к отступлению. Они также знали, что в конце пяти лет угнетений и принудительного призыва на службу их ждёт смерть. Поле боя было наполнено отчаянием, но они всё равно…

— Мы не собирались жалко кончать с жизнями из-за того, что наша смерть была предопределена, и тем более не стали бы сидеть сложа руки, просто отсчитывая дни. Раз уж нам суждено умереть, каждый день будет проведен так, чтобы не сожалеть… Улыбаться в лицо смерти. Это была наша одна-единственная форма протеста.

— …

Он мог говорить правду… Два года назад Лена синхронизировалась с отрядом «Остриё копья» каждый вечер, и каждый вечер им словно было весело. Прослеживалось что-то очаровательное в далеких разговорах, колкостях и громких спорах по пустякам. Они жадно искали эти драгоценные моменты в затишьях между одним боем и другим. Каждый понимал: никто их не похвалит, и им даже нечего защищать — но они все равно старались жить на полную несмотря

на то, что в конце их ждала лишь бессмысленная смерть.

— Хотела бы я когда-нибудь попробовать рыбалку…

В выражении Шина теперь читалось немного озорства.

— Тогда надо начать с добычи червячков.

— Червячков…

Лена, как большинство девушек в ее возрасте, ненавидела червяков. Особенно когда те извивались или корчились.

— Выкапывать их будет…

— Это не так трудно. Достаточно поднять любой камень у реки, червячков там будет много.

— Сделаю все возможное…

У Лены было слишком трагичное и страдальческое выражение лица. Шин, впервые на ее памяти, громко рассмеялся. Лена скривилась, когда поняла, что ее дразнят.

— Вы гораздо больший задира, чем я думала, капитан.

— Простите, у вас лицо совсем одеревенело, и я не смог удержаться, — ответил Шин, не переставая хихикать. — Если с червяками вам никак не управиться, возможно, лучше тогда попробовать охоту. Про разделку забудем, а вот с винтовкой уж вы разберетесь.

— Ну да, винтовка…

Лена внезапно вспомнила кое-что, что заставило её отложить столовые приборы.

— Когда отвоевывали первый сектор, военная полиция, отвечающая за прибежища, ушла на охоту, чтобы дать жителям Республики немного мяса. Подумали, что синтетическая пища могла сильно наскучить…

Военная полиция, помимо исполнения долга полиции в армии, должна заниматься созданием и управлением прибежищ для беженцев и военнопленных. Но война велась против Легиона, поэтому не было ни тех, ни других, и военная полиция, казалось, с искренним энтузиазмом отнеслась к подобному редкому поручению.

— Дедушки и бабушки были счастливы, по крайней мере некоторые из них… а вот дети выбросили мясо, даже не попробовав. Сказали, пахнет кровью.

— …

Война с Легионом началась одиннадцать лет назад и именно столько Республика укрывалась внутри восьмидесяти пяти секторов. Родившиеся в это время дети никогда не ели натуральную пищу, в том числе мясо.

Чувство вкуса у человека развивается в юном возрасте и в значительной степени зависит от того, что ребёнок кушает в это время. Быть может, те дети никогда уже не смогут в полной мере наслаждаться едой, сделанной не на заводах. Они не смогут насладиться кухней других стран вне стен Гран-Мюра.

Почувствовав тревогу Лены, Шин заговорил:

— А они ведь и другие расы не видели, только Альб… Выходит, также не смогут признать человека, если тот будет не Альбой?..

Лена кивнула.

— Первой операцией группы будет отвоевывание северных секторов Республики. Честно говоря… я немного волнуюсь посылать вас сражаться туда, пока там такая ситуация.

Остракизм или антипатия со стороны республиканцев, будь то через слова или любые другие способы выражения, для «восемьдесят шесть», вероятно, будут слишком очевидны.

— Это мало чем отличается от тех времен, когда мы сражались в восемьдесят шестом секторе… И все же в Республике что, правда не было ничего кроме синтетической еды? Пускай держать постоянно скот проблематично, но должны же быть еще кролики там или голуби.

— Мы не знали, как вылавливать животных, да и вряд ли кто-то вообще понимал, как правильно их разделывать… Не думаю, что кто-нибудь задумывался, что их можно поймать и съесть.

По сравнению с той скучной, безвкусной синтетикой, которую давали «восемьдесят шесть», в Республике все еще была еда, достойная так называться. Желания отведать чего-нибудь получше особо не возникало.

— Хотя не мне такое говорить, сама то я понятия не имею, как готовить…

Семья Миризе некогда считалась знатной, в конце концов, а Лена была единственной

наследницей. Она не должна запачкать руки, а значит никакой готовки и никакой работы по дому в принципе — такая вот была установка. Шин спокойно отпил из кружки с заменителем кофе.

— И я не умею хорошо готовить.

— А?

Лена уставилась на него. Шин производил впечатление человека, способного практически на все, и она считала, что нет ничего, в чем он не был бы хорош.

— Это… удивительно.

— Ну, что-то я умею, конечно. Но Райден говорит, чувство вкуса у меня несколько…

Положив кружку на стол, Шин приложил палец к губам.

— …притупилось.

Его неуверенный тон, скорее всего, говорил о том, что он не в курсе, насколько плохи дела на самом деле. Что вполне естественно, ведь в отличие от зрения или слуха, вкус не был чувством, которое можно измерить в числах. Правда, Райден, вероятно, отозвался еще и максимально сдержанно.

— В приправах я мало что смыслю, отрицать не стану, но даже мой взгляд зацепится за оставленную яичную скорлупу, хотя это же не конец света. По мне так и с ней съедобно.

— …

Этот неуклюжий образ мышления ясно давал понять о том, насколько неумелым он был. Даже ничего не смыслящая в готовке Лена понимала это. Только вот…

— Яйца, хм-м?.. Интересно, как же их разбивать?

Она слышала, что скорлупа у них очень твёрдая. Может, нужен молоток?

— …

На этот раз на несколько секунд замолчал уже Шин.

— Знаете, в школе есть кружок по основам кулинарии…

— Да?..

— Там дают знания с нуля, например, как правильно держать кухонный нож. Но пока записалась одна Фредерика… талисман нашего отряда. Наверное, вам тоже стоит, полковник.

— Только если запишетесь со мной.

— Мне и так нормально.

— Что? Почему?

Сидящие рядом офицеры разведотдела с трудом сдерживали смех, пока выслушивали шквал нелепых вопросов.

Их спор продолжился даже после того, как они закончили с едой, а Шин налил себе уже вторую кружку заменителя кофе. Он всячески отказывался отступать, из-за чего Лена укрепила решимость улучшить свои навыки готовки, чтобы затем утереть ему нос. Когда она со странным энтузиазмом пошла к ангару, Шин с читаемым на лице подозрением последовал за ней.

Пустой еще несколько часов назад, ангар теперь был заполнен прибывшими фердресами, а двое солдат, ранее красный и белый, умылись и закончили с уборкой. Здесь стояли Регинлейвы, новое оружие с высокой мобильностью, которое Шин и его друзья пилотировали. Сейчас агрегаты дремали в лучах весеннего солнца с поджатыми длинными ногами.

При виде этих фердресов, более совершенных по сравнению с Джаггернаутами, сердце у Лены затрепетало. Белые, цвета полированной кости, они обладали холодной и свирепой красотой, но вместе с тем производили зловещее впечатление скелетов, блуждающих на поле боя в поисках потерянных голов.

Она вспомнила кое-что. Как увидела с пункта управления пушкой перехвата на Гран-Мюре белую вспышку, разрезавшую синюю предрассветную темноту и противостоящую гиганту в обличье дракона, Морфо. Она припомнила, как слышала, что Регинлейвы разработали по образу Джаггернаутов, которые Союз получил после спасения Шина и его группы.

Получалось, ее догадка насчет схожести с Джаггернаутами попала в яблочко… И в этом смысле он и ребята спасли ей жизнь еще тогда. Разумеется, самый большой вклад внес процессор, пилотирующий тот Регинлейв, но без высокой мобильности он бы не смог справиться с Морфо. А еще это напомнило ей, что нужно найти того офицера и поблагодарить.

Она оглядела пять упорядоченных Регинлейвов, каждый был со своим уникальным вооружением. Затем она остановилась у одного, сильно выделяющегося на фоне остальных. Агрегат Шина — Могильщик. Стандартное вооружение: четыре копра, пара анкеров и 88-мм гладкоствольная пушка. Однако уникальным у Шина было предпочитаемое оружие, высокочастотное лезвие. Лена обернулась на Шина, всадника этого агрегата.

— Могу я прикоснуться к нему?..

— ?.. Да, — озадаченно кивнул Шин.

Он не понимал смысла этого вопроса, но Могильщик был партнер, которому он доверял свою жизнь. К такой драгоценности нельзя прикасаться без разрешения. Она провела рукой по холодному металлу, испещренному бесчисленными шрамами. Шин прослужил в армии Союза всего два года. Так много боевых шрамов за столь короткий период говорили о том, сколь невообразимо яростными были сражения.

«Спасибо за то, что спасаешь Шина. За то, что защищаешь его на поле боя.»

Регинлейв назывался «Могильщик», так же как республиканский Джаггернаут Шина. Если у оружия было нечто вроде души, оно точно унаследовало душу того Джаггернаута. Пальцы Лены пробежались по эмблеме под фонарем кабины. Когда ее взгляд зацепился за так называемую личную метку — безголовый скелет с лопатой за плечами, — Шин криво улыбнулся:

— Вы ведь читали информацию по Джаггернаутам перед назначением сюда, разве нет? Оснащение у всех стандартное, и я не думаю, что вы найдете для себя что-то необычное.

— Может и так, но… М-м, просто первая модель пришла на выручку Республики, ну и…

По непонятной причине ей не хотелось рассказывать Шину подробности того, как другой процессор спас ее, поэтому Лена затихла, ничего не объяснив. Потом она вдруг что-то вспомнила, извинилась и отошла к командиру бригады обслуживания. Переговорила с ним, что-то получила от него, затем вернулась. Вчера во время знакомства на базе объединенного штаба она получила посылку и сообщение. Это был опасный предмет, который нельзя брать в багаж, из-за чего был помещен ею в контейнер для военного снаряжения.

— Что это?..

— Ну, э, я сама не уверена…

Пластиковый кейс не открывался с тех пор, как покинул оружейного мастера. Она открыла его и, представив содержимое, сказала:

— Полагаю, это ваше, капитан.

В кейсе лежал 9-мм автоматический пистолет с двухрядным магазином, в прошлом таким пользовались наземные войска Республики. Когда тех не стало на поле боя, именно процессоры «восемьдесят шесть» часто носили их при себе. Шин настороженно смотрел на лежащий в кейсе предмет… а потом оцепенел.

— Капитан?

— Полковник, где вы… нашего его?

— За стенами Гран-Мюра, когда Союз прибыл нас спасти.

— …

Шин молчал, и он будто бы побледнел. В его бесстрастном лице, как ей показалось, теперь читалась некоторая тревога, хотя сказать наверняка было сложно: слишком уж невыразительным оно было большую часть времени. Из-за чего он так отреагировал, Лена не знала. Сам пистолет нашла Шиден — капитан Рыцарей королевы — в море цветов ликориса после ликвидации Морфо и взаимодействия со спасательными силами Союза.

Вчера Лена и Шиден пересеклись впервые за долгое время, и выражение ее лица было как у ребенка, задумавшего пакость: она сказала отдать пистолет капитану ударной группы — другими словами, Шину. Шиден с крокодильей улыбкой объяснила, что он обронил его.

Пистолет вроде как не был брошен давно, поэтому Лена предположила, что он принадлежит процессору в том Регинлейве, а тот, в свою очередь, был капитаном в ударной группе… Но чтобы и Шин там находился… Этого быть не могло. Там был только один Регинлейв. Она это узнала из того разговора.

Затем Лена припомнила грубый, юношеский голос с сильными помехами, раздававшийся через динамики. Пилот не представился, но она запомнила рисунок безголового скелета с лопатой за плечами на потертой броне… Ту же личную метку она видела всего мгновение назад, поэтому ее взгляд вернулся к Могильщику.

Безголовый скелет не посмотрел на нее в ответ, ведь головы у него не было, но да, метка была та же. Жнец, хоронящий мертвых. Жнец — бог смерти…

Быть не может…

Она вытаращилась на Шина — процессора, пилота этого Регинлейва, — а тот отвел взгляд. Он упорно отказывался смотреть на нее. И теперь Лена была уверена.

— Так это были вы?!.

Его взгляд заметался, как если в поисках выхода… но потом он смиренно опустил плечи.

— Да, я…

В отличие от загоревшихся глаз Лены, Шин неловко потупил взгляд.

— Простите… за тогда.

— Э?

— Я хочу сказать… Я не знал, что это были вы, но сильно нагрубил…

— М-м…

Простить… Простить? А что же тогда я ему наговорила? Совсем… не помню!..

— Н-не нужно извиняться, я сама была в отчаянии… Я не очень-то помню, как все было, но возможно ли, что тоже нагрубила? Понимаете, усталость взяла свое на тот момент, и с пылу с жару ляпнула, наверное… — запнулась она, пока взволнованно извинялась.

Говорить, что не помнит, скорее всего, еще хуже, но Лена поняла это только после того, как сказала, из-за чего сильнее разволновалась.

Но Шин с облегчением вздохнул:

— Нет, тогда… вы спасли меня.

Она помнила. Тот процессор Союза — он же Шин — был похож на потерянного, побежденного ребенка, не понимающего, куда ему податься дальше. Она не знала, через какие сражения ему пришлось пройти в эти два года после специальной разведывательной миссии и прибытия в Союз, однако Шин пошел в самоубийственную атаку по территориям Легиона, чтобы столкнуться лицом к лицу с Морфо. Ситуация, должно быть, была совсем ужасной, раз Союз приказал ему сделать это. И если у нее получилось помочь, пусть немного…

— Слава Богу. Раз так, то… я рада.

Она вернула внимание к кейсу с пистолетом, и Шин в этот раз принял его.

Шин не мог брать оружие, не проверив его, поэтому он пошел к себе в комнату, чтобы оставить кейс.

— Кстати, как вы узнали, что пистолет мой? Кто-то его передал?

— Да. Вчера в объединенном штабе я наткнулась на Циклопа… Капитана Ииду. Тогда мне его и вручили.

— Циклоп?..

— Капитан отряда, к которому я была приписана после вашего отхода на специальную разведывательную миссию.

— …

Небольшой разговор на миг подпортил настроение Шина (хотя, опять же, сказать наверняка было трудно — выражение его лицо едва ли изменилось). Когда он грубовато кинул кейс на стол, Лена с порога заглянула внутрь, задаваясь вопросом, можно ли ей. По сравнению с ее комнатой — для высокопоставленного офицера, — комната Шина была простым жилищем процессора.

Два года назад у нее сложилось впечатление о нем, как о книголюбе, или вернее будет сказать, не избирательном чтеце — судя по всему, с этим она попала в точку. Единственным украшением в холодной, убранной комнате была забитая книгами полка. Изучая названия книг, среди которых находились философские, технические мануалы, романы и по какой-то причине книжки с картинками, Лена спросила:

— Кстати, почему вы раньше не открылись мне? Знаю, в армии Союза есть положения о конфиденциальности, но можно же было мне хотя бы весточку послать…

Одно дело операция по уничтожению Морфо, когда они не знали друг друга в лицо, но потом-то Шин был в курсе, что Лена станет командующим офицером в ударной группе. Он смущенно ответил на ее вопрос:

— Простите за это. Пока шла операция по спасению, мы постоянно находились на передовой, а после, когда организовали ударную группу, конфиденциальность отчего-то стала намного строже. Нам не разрешалось контактировать ни с кем извне.

— …

Лена несколько раз спрашивала у экспедиционного отряда насчет безголового скелета, но ответа не получила — из-за положения о конфиденциальности. Но сейчас она припомнила, как командир, Ричард, сдерживал смешок, а его советник, начальник штаба Виллем, весело улыбался. Она просила личное досье по процессору, где обычно должно указываться имя, но странным было то, что процесс затягивали как могли, из-за чего она так и не увидела его. У Лены сложилось впечатление, будто все они заодно и пытаются помешать им двоим встретиться…

— И помимо всего прочего, я не сомневался, что вы догоните нас, полковник.

— А?..

— Я не сомневался, что вы пройдете по нашему последнему пути. Думал, если связаться или прийти самому, то покажется, будто я не верю, что вы справитесь своими силами.

— Так вы помните.

— Разумеется.

Шин говорил характерно спокойным тоном, будто это совсем ничего не значило, но для Лены не нашлось бы других слов, которые бы сделали ее счастливой. Он помнил — верил и в нее, и в то, что однажды она нагонит их. Лена прикусила губу. Сказать то, что нужно сказать — момент лучше вряд ли представится. Не воспользуйся она шансом сейчас, уже никогда не наберется смелости.

— Шин, — обратилась она к нему по имени.

Шин повернулся к ней, закрыв дверь в комнату. Лена сухо кашлянула и продолжила:

— Мы можем… обращаться друг к другу по именам? В общественных местах нужно вести себя подобающе, поэтому это было бы не совсем приемлемо, но в других…

Майор.

«Восемьдесят шесть» обращались к ней по званию, как знак сдержанности. Так они обозначали их взаимоотношение: угнетатель и угнетаемые. Белая свинья, сидящая в безопасности внутри стен, и гордые «восемьдесят шесть» снаружи. Между ними была проведена невидимая черта, подчеркивающая, что они не близки настолько, чтобы называть друг другу по именам, притворяясь друзьями.

Но она наконец-то выбралась за стены, пускай не стояла рядом на одном поле боя.

— В эти два года я неустанно сражалась, хотя это и не сравнится с тем, через что прошли вы. И даже если я не смогла воплотить мечту в реальность, по крайней мере я ни разу не попыталась сбежать. Можешь ли ты воспринимать меня также, как остальных…

Как Райдена, Сео, Крену и Анжу. Как товарищей по оружию…

— …и обращаться по имени?.. Можешь, пожалуйста, звать меня Лена?

Шин удивлённо посмотрел на нее, словно застигнутый врасплох… Словно он обращался к ней по званию исключительно из-за привычки, а не по злой воле. На его лице отразилась улыбка.

— Не возражаю. Но только с одним условием.

— Условием?

— Да.

Как только Лена подготовилась, Шин назвал его:

— Пожалуйста, перестань делать такое печальное лицо.

Слова пронзили сердце Лены, точно нож.

— Я и не делаю…

По какой-то причине слова прозвучали неуклюже, будто у нее заложило нос… Будто она готова была разрыдаться.

— Делаешь. Честно говоря… меня это уже напрягает.

В его голосе и взгляде читалось беспокойство.

— Когда я говорил, чтобы ты помнила о нас, я не имел в виду помнить о наших смертях. И я не говорил проживать каждый день, пытаясь искупить грехи… Я не наказывал тебя этими словами, чтобы ты ходила с таким измученным выражением лица…

Он словно говорил, что ни в чем ее не обвиняет…

— Поэтому перестань уже носить мрачную форму. Она не подходит тебе… И то же касается волос.

После короткого колебания он осторожно взял одну длинную, шелковистую прядь волос. Она была выкрашена в красный — цвет пролитой крови «восемьдесят шесть».

— Не нужно больше этого делать. У тебя нет грехов, которые нужно было бы искупить. Никто не осуждает тебя, так что прошу, перестань… Перестань нести на себе несуществующий крест.

Лена медленно качнула головой.

«Это не крест… Это не чувство вины. А броня. Окрашенная в чёрный цвет форма. Красная прядь волос. Всё это было броней, в которой я так нуждалась, чтобы одиноко сражаться в Республике, где каждый забыл, как это — сражаться».

— Но…

Слова срывались с ее розовых губ неосознанно.

— …никто не остался со мной… Ни ты, ни кто другой — все, кем я командовала после вашего ухода, ушли вперед, оставив меня позади.

Спокойный голос в голове велел остановиться, но наполненный горечью шепот вырывался наружу.

«Именно твоя страна изгнала их, твоя страна отослала их на смерть. У тебя нет права говорить что-либо, нет прав выплакивать ему свое одиночество.»

— Никто не верил в меня. Никто не стал бы бороться вместе со мной… Никто не стоял рядом.

«Хотя я и молила… “Не оставляйте меня”…»

— Дядя и мама погибли, и я осталась совсем одна… Не притворись я сильной, то никогда бы не смогла продержаться так долго. Если бы я не нарекла себя Кровавой королевой, если бы я сама не поверила в эту ложь, тогда я…

— Понимаю…

«…сломалась бы очень давно».

Шин молча признал слабость Лены. Возможно, он находил себя в сказанных ею словах. Быть может, парень одного с ней возраста носил имя Бога Смерти затем, чтобы выживать на поле боя верной смерти…

— Но больше тебе это не нужно. Ты уже не одна… Рядом с тобой есть я, Райден и остальные.

Жар его тела, чуть теплее ее собственного, раньше заставлял нервничать, а теперь умиротворял. Оно придало вес его словам и подарило надежду.

— Разве ты не хотела сражаться вместе с нами?

— !..

Она достигла своего предела. Лена прижалась к человеку, наконец-то стоявшему рядом, и разрыдалась, словно ребенок.

—

— А они, ну, как бы сказать-то?.. Проблемная парочка, а? — сказал Сео, одной рукой зажимая рот Фредерики, другой — удерживая вырывающуюся девочку.

— Не думал я, что весь день придется крыть их от преследований этих двоих, — отозвался Райден, держа Крену тем же образом.

Они были у поворота в коридоре, где Лена, прижавшись к Шину, громко ревела. Райден и Сео прятались в тени за стеной и тихо, как могли, перешептывались, чтобы острые слух и чувства Шина не уловили их присутствия.

Анжу сидела с противоположной стороны и следила за Шином и Леном с помощью ручного зеркала, по-лисьи ухмыляясь.

— Крена-чан, Фредерика-чан, вам бы научиться сдерживать себя. Я все понимаю, вам не нравится смотреть, как старшего брата забирает другая девушка, но хотя бы сегодня дайте им побыть вместе.

Крена и Фредерика приглушенно замычали в ответ — то был либо протестный возглас, либо возражение. Они, наверное, хотели сказать «он мне не старший брат!», но их так или иначе тактично проигнорировали.

Шин сделал бы что угодно, чтобы запись его разговора с Леной, случившийся после уничтожения Морфо, никто не услышал, но Сео был рад, что они услышали. Шин был Богом Смерти, он сражался вместе с ними и нес погибших товарищей до конечного пункта назначения. Но плакса Куратор сказала ему то, о чем они всегда хотели сказать, но не могли, ведь из-за них же Шин и брал это бремя.

— Рад, что полковник не погибла.

— Соглашусь.

Анжу захлопнула зеркальце.

— Он заметит нас в любой момент. Пора убираться отсюда.

— Ла-а-адно.

— Пр-р-р-принято.

□

Она потратила столько сил на макияж, и всё впустую.

— Я перекрашу прядь, — сказала Лена, заикаясь.

Шин слабо улыбнулся.

— Думаю, так будет к лучшему.

— И форму свою тоже поменяю.

— Ага.

— Однако я продолжу носить черную, пока запасная не прибудет…

— Ты могла бы просто надевать союзную, разве нет?

«Нет, это слишком…», — хотела сказать Лена, но передумала. Да, она уже давно терпит его выходки, а теперь настал черед для ее небольшой мести.

— Она… пришлась тебе по вкусу?

— А?..

Шин, застигнутый врасплох, уставился на Лену. Не зная, как ответить, он оцепенел с открытым ртом. При виде волнения обычно отстраненного парня Лена не выдержала и рассмеялась.

http://tl.rulate.ru/book/36621/1340466